

«О ДОБЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ» (А. БЛОК): НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

О. А. Бердникова, Т. Н. Голицына

Поступила в редакцию 18 октября 2024 г

Аннотация: в статье охарактеризованы некоторые тенденции современной реалистической прозы, одна из которых — активизация писательской эссеистики и писательской публицистики. Выявлены особенности книги писателя С. Шаргунова «Саров. Два подвига» (2021) как публицистического текста, в котором представлена дихотомическая структура, отражающая разные временные планы и разные события. Однако части книги неоппозитивны, так как их объединяет общий «гений места» и общее предназначение. Новая трактовка автора книги, использующего ранее не известные факты и события, позволяет соединить подвиг веры и подвиг науки в общей сотериологической идее.

Ключевые слова: С. Шаргунов, публицистика, Саров, подвиг, Серафим Саровский, академик Курчатов.

Abstract: the article describes some trends in contemporary realistic prose, one of which is the intensification of writer's essays and journalism. The features of the book by the writer S. Shargunov "Sarov. Two Feats" (2021) are revealed as a journalistic text, which presents a dichotomous structure reflecting different time plans and different events. However, the parts of the book are not oppositional, since they are united by a common "genius of place" and a common purpose. The new interpretation of the author of the book, using previously unknown facts and events, allows us to combine the feat of faith and the feat of science in a common soteriological idea.

Keywords: S. Shargunov, journalism, Sarov, feat, Seraphim of Sarov, Academician Kurchatov.

В наши дни, на исходе первой четверти XXI века, современная русская литература уже достаточно основательно осмыслена в научной и критической литературе: написаны учебные пособия, издаются сборники научных трудов, посвященных критической и читательской рецепции произведений современных авторов [1]. Уже сложился достаточно устойчивый список имен, представляющих русскую литературу рубежа XX–XXI веков, определены основные тематические и жанрово-стилевые течения.

Вместе с тем осталось немало дискуссионных вопросов, вызванных и современным литературным процессом, и оценкой литературных событий и явлений недавнего прошлого. Так, к примеру, литературный процесс «лихих» 1990-х в свое время одними был оценен как «замечательное десятилетие» [2], а другими — как «русские цветы зла» [3]. Теперь, спустя три десятилетия, становится очевидным тот факт, что литература этого периода к началу XXI века дала ряд замечательных имен, уже вошедших в историю русской словесности, и 1990-е годы останутся как время В. Астафьева, В. Маканина, О. Павлова, Л. Бородина, Т. Толстой, Б. Екимова, А. Варламова, В. Пелевина. Противостояние реализма и постмодернизма, во многом определявшее «сюжет» литературы конца XX века, завершился примирительным утверждением одного из критиков о возвращении «в пределы российской словесности полноценной жизни», в которой вполне

успешно взаимодействовали разные художественные стратегии [4].

XXI век начался с дебютов молодых прозаиков, объявивших себя «новыми реалистами» (С. Шаргунов, З. Прилепин, Р. Сенчин, М. Елизаров, Г. Садулаев, Д. Данилов).

Лидером и «идеологом» нового течения стал дебютант 2002 года Сергей Шаргунов, повесть которого «Ура!» была литературным событием года. В первых манифестах «новых реалистов» С. Шаргунов констатирует «искреннее внимание к литературной традиции», желание молодых создавать многообразные человеческие типы, быть верными психологизму, вечным темам. «Но действительность убийственна, резка, откровенна», как считает молодой прозаик, отсюда стремление «осовременить подачу проблем и картин, освежить язык, «придать скорость» [5].

Анализируя первые произведения «новых реалистов» (Р. Сенчин «Афинские ночи», А. Геласимов «Жажда», З. Прилепин «Патология» и другие), Шаргунов отмечает два «перекоса», соответствующие двум основным эстетическим постулатам. Одни авторы пишут «слишком по-старому», традиционно-реалистично, другие — «слишком по-новому», то есть в их произведениях реализм вытесняется натурализмом, физиологизмом описаний, «чернухой», другими словами, становится «реализмом в низшем смысле», если перефразировать знаменитое высказывание Ф. М. Достоевского о «реализме в высшем смысле».

«Новые реалисты», показывая подлинную картину российской жизни начала XXI века, стремились

обнажить подноготную, глубинную «тяжесть существования» человека, вступившего в новое тысячелетие и оказавшегося в катастрофической ситуации стремительно меняющейся политической, социальной и экономической жизни. Но «гиперреалистическая наблюдательность» писателей была направлена не столько вовне, сколько вглубь человека: это «болезненно обостренное самонаблюдение» (Вл. Губайловский) доходило до крайней степени саморазоблачения [6]. «Новые реалисты» продемонстрировали трагизм молодого сознания, признающего только такую — жесткую — реальность и одновременно отрицающего эту реальность как «невозможную, не дающую дышать» (И. Роднянская) [6].

«Реализм станет доминирующей литературной стратегией в будущем» [5], — заявил в середине 2000-х годов С. Шаргунов, и тогда это воспринималось как дерзкий вызов. Но прогнозы писателя оправдались: реализм действительно доминирует в новейшей русской литературе и сохраняется как мировоззренческая и повествовательная художественная стратегия только в современной русской литературе. Реализм по определению предполагает наличие в литературном произведении духовной проблематики, вечных тем. Ф. М. Достоевский на все времена сформулировал магистральную тему русской реалистической литературы: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы сердца людей». Это и есть «реализм в высшем смысле», в этом заключаются основные источники жизненности русского реализма и его способности к развитию в новых исторических условиях.

За двадцать лет активной литературной деятельности «новые реалисты» заняли заметное и достойное место в литературном процессе. Их произведения достаточно часто попадали в длинные и короткие списки престижных литературных премий, неизменно привлекали внимание критики и читателей.

При различии индивидуально-авторских и эстетических ориентаций, в творчестве «новых реалистов» 2010-х и начала 2020-х годов сохранилась традиционная парадигма русской литературы, в основе которой — стремление русского писателя познать глубокий, истинный, провиденциальный смысл совершающегося в мире и человеке. Произведения «новых реалистов» показывают не только нравственную путаницу наших дней. Они все с большей очевидностью демонстрируют отмеченную западными исследователями отличительную черту русской литературы — связь художественного сознания с категорией совести [7].

Реалистическую традицию поддерживает современная православная проза, представленная в наши дни десятками имен. Н. В. Пращерук выделяет целый ряд тематических пластов внутри течения и предлагает термин «духовная литературная проза» [8].

Это течение дало поистине уникальный феномен нашей современной литературы — так называ-

емую «Зеленую серию» издательства Сретенского монастыря, столь блистательно начатую в 2011 году в то время архимандритом Тихоном (Шевкуновым), в которую сейчас уже входят более 20 книг разных авторов. Первая книга, изданная миллионными тиражами, знаменитые «Несвятые святые» и другие рассказы» так и осталась самым значительным художественным явлением и серии, и новейшей литературы. Что же держит серию, более 10 лет присутствующую в нашей литературе? Ее главная, сквозная тема, ее метасюжет — собирание «всего человека» — с духом, душой и телом» (А. Блок) и ее основная художественная стратегия, демонстрирующая сближение и взаимодействие автобиографического и художественного дискурсов.

В это же время заявляет о себе особый жанр современной литературы — писательская биография. В 2010 годы выходит своего рода трилогия критика и писателя Павла Басинского, посвященная подробной реконструкции наиболее значимых эпизодов жизни Льва Николаевича Толстого: «Лев Толстой. Бегство из рая» (2010), «Святой против Льва» (2013), «Лев в тени Льва» (2015). Эта тенденция была поддержана Захаром Прилепиным в книге «Взвод: офицеры и ополченцы русской литературы» (2017), куда входят 11 художественных биографий русских поэтов и писателей XIX века, затем выходит его же «Шолохов. Незаконный» (2023). Этот подход интересен тем, что писатели дают современное, порой весьма спорное, понимание творческого и духовного пути своих великих предшественников, тем самым способствуя актуализации их творчества и сохранению культурной и исторической памяти.

Заметным явлением наших дней стала писательская эссеистика и писательская публицистика: это изданная в Москве в 2020 году книга Евг. Водолазкина «Дом и остров, или Инструмент языка», посвященная Пушкинскому Дому [9], книга С. Шаргунова «Саров. Два подвига» (2021), а также книга Захара Прилепина «Координата Z» (2023) в его серии «Уроки русского». Как известно, статус публицистики в целом определяется набором признаков, к которым относятся «информативность — обращение к актуальным проблемам общества, функция воздействия на адресата, широкий диапазон использования языковых средств» [10].

Новая книга Сергея Шаргунова «Саров: Два подвига» заслуживает особого внимания: она посвящена описанию событий, связанных с его пребыванием в Сарове, уникальном месте, где соединились судьбы святых и ученых, где воплотились подвиги веры и науки.

В книге Сергея Шаргунова «Саров» отражены два периода русской истории: возникновение чудесной обители, в которой служил великий святой земли русской Серафим Саровский, а в сороковые-пятидесятые годы двадцатого века ставшей центром произ-

водства атомной бомбы Арзамас-16. Эти два события послужили основанием дихотомической структуры текста. Его первая часть посвящена истории становления и формирования монастыря. Основатель Саровской пустыни иеросхимонах Исаакий выбрал это место не случайно, поскольку оно отличалось удаленностью от мира, уединенностью и красотой: «Место же сие весьма прекрасно, на горе стоящее и яко в вертограде некоем глубочайшими лесами от всех четырех сторон ограждено, еже бе красоту имущее многую, и может зрящему того места чувству принести немалую сладость и к тишине глубокой безмолвной воспростирать его мысли от самого точию видеши» [11, 15]. Место было выбрано еще и потому, что из-под земли, где будет стоять монастырь, исходило чудесное сияние, и слышался колокольный звон. Эти мистические явления, по мнению автора, породили множество легенд о существовании древних кладов, которые ищут до сих пор. «Таким образом, старое городище приобрело славу места святого и загадочного» [11, 17].

Между тем\ основание монастыря на «святом и загадочном месте» было сопряжено с определенными трудностями: был написан донос на Исаакия о его связи с раскольниками и старообрядцами, местные помещики не хотели передавать землю, были недовольные и среди крестьян. Но, тем не менее, в январе 1706 года митрополит Стефан Яворский благословил строительство первой церкви. Автор отмечает, что возведение этой церкви осуществлялось всем миром: «Работали и сами монахи-пустынники, и поддерживавшие Исаакия местные крестьяне, и даже, как часто водится на Руси, раскаявшиеся разбойники» [11, 17]. Символичным представляется и тот факт, что первым в Сарове был заложен храм в честь иконы Божией матери «Живоносный источник», то есть источник, дающий жизнь.

Следует подчеркнуть, что строительство Саровского монастыря происходило на фоне знаменательных исторических событий. Автор упоминает в тексте Степана Разина, его лихое войско, знаменитого митрополита Стефана Яворского, который принимал опального сына Петра I Алексея, Феофана Прокоповича, итальянского зодчего Бартоломео Растрелли, который выполнил рисунок иконостаса для Успенской церкви монастыря и некоторых других. Так автор проявляет интерес к жизни России в целом, рассматривая реальные события, при которых вырос монастырь, ставший местом живой святости.

Саровская пустынь была наделена еще одним необыкновенным свойством: многие насельники монастыря стали выдающимися деятелями русской Православной церкви — настоятелями, казначеями монастырей, митрополитами. «Имена их известны: святой Феодор Санаксарский, игумен Маркеллин Клопский, преподобный Назарий Валаамский, иеромонах Мелетий Иерусалимский» [11, 31]. Это дало

возможность архимандриту Антонию (Медведеву), наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, назвать Саров академией.

Будущий святой Серафим Саровский начал свое служение в пустыни в 1778 году. По историческим данным, он пробыл там до 1794 года и совершил уход из монастырских стен в Дальнюю пустынь. И дальнейший его жизненный путь становится полным отказом от своих потребностей. Это путь духовного совершенствования, духовного подвига, добрых дел, искоренения зла и грехов.

Святитель Серафим намеренно выбирает самые труднодоступные места: «Возвышенности, сплошь заросшие лесом и кустарником и пересеченные оврагами, на которые не взберешься на слабых ногах и из которых не выберешься при слабом зрении» [11, 33]. Но свое новое место служения преподобный Серафим наделяет святыми именами. Таким образом в лесной глуши появляются Иерусалим, Афонская гора, Вифлеем, Голгофа, Иордан, Кедронский поток, гора Фавор. Так это место стало святой землей, на которой святой Серафим просветлял души людей, искоренял грехи, брал на себя чужую боль. Именно здесь совершались его духовные подвиги: подвиг столпничества — святой стоял на большом гранитном камне, вызывая к богу. Принято считать, что в великом подвиге столпничества, подвиге смирения и терпения преподобный провел тысячу дней и тысячу ночей. Подвиг прощения — отец Серафим, как известно, простил разбойников, которые напали на него и едва не убили. Их нашли и должны были казнить, но преподобный даровал им спасение. Подвиг исцеления: отец Серафим исцелял всех больных и страждущих.

Таким образом, Сергей Шаргунов приводит читателя к выводу о том, что Саров осмысливается как сакральное место, которое освящено пребыванием в нем великого русского святого преподобного Серафима Саровского, величайшего духовного подвижника, который является не только достоянием церкви, но и национальным достоянием.

Саров — это место, обладающее особой судьбой, там вырос монастырь, ставший центром святости наряду с Троице-Сергиевой Лаврой и другими известными и почитаемыми монастырями России.

Саров дал русской Православной церкви, кроме святого Серафима, многих других подвижников веры. Символично и то, что первым построенным храмом монастыря стал храм в честь иконы Божией матери «Живоносной источник». Следовательно, Саров — это пространство, которое является местом спасения, убежищем, дающим жизнь.

Вторая часть книги Сергея Шаргунова посвящена событиям другого времени, другой эпохи. Автор переносит читателей из восемнадцатого века в сороковые-пятидесятые годы века двадцатого. Предметом изображения остается то же географическое

пространство — Саров, но по воле властей предрежащих он приобретает другое название и другое предназначение. Бывший Саровский монастырь из места стяжания веры превращается в Арзамас-16: закрытый секретный научно-технический центр по разработке и созданию отечественного ядерного оружия. Теперь здесь делают атомную бомбу. Атомная бомба и последствия атомного взрыва вызывают отчетливые ассоциации с чудовищной трагедией, гибелью людей и всего живого. При этом в описании автор использует прием конкретного сопоставления объектов.

С одной стороны, Саров — богом избранное, намоленное место, живоносный источник, символ святости и гармонии, с другой стороны, Арзамас-16 — смертельное начало, отклонение от нормы, разрушение гармонии. Но между тем Сергей Шаргунов не противопоставляет их, он считает, что Арзамас-16 не враждебен Сарову, он не сводит отношения между ними к системе оппозиции: добро-зло, праведность-греховность.

Автор усматривает между ними «живые связи», соединяющие, казалось бы, разные миры. Во-первых, Саров и Арзамас-16 объединяет общее сакральное место — монастырь, общий «гений места» — святой Серафим Саровский. Без его промысления вряд ли было бы возможно выбрать Саров в качестве ядерного центра. И Арзамас-16 тоже осеняет свой духовный лидер — академик Курчатов. Сергей Шаргунов приводит красноречивый эпизод из жизни академика, который перед одним из испытаний атомной бомбы посетил Новодевичий монастырь и долго стоял перед иконой Одигитрии, указывающей путь. Может быть, перед ликом Святой Заступницы ученый размышлял о той непомерной ответственности, которую он и другие ученые возложили на себя.

Во-вторых, у Сарова и Арзамаса-16 была одна «программа» бытия, у ученых и монахов очень похожи жизненные императивы: аскетизм, удаленность от мира, строгий регламент, «непостижимый вес ответственности» [11, 262]. Более того, отрицательный результат эксперимента мог стоить ученым жизни. В-третьих, Арзамас-16, как и Саровская обитель, славился своими кадрами. В атомном центре служили великие ученые, академики Курчатов, Харитон, Сахаров, Тамм, Трутнев и многие-многие другие. В-четвертых, у Сарова и Арзамаса-16 оказалось общее предназначение: в Саровской пустыни молились за сохранение Родины, за всех живущих, за их спасение. В атомном центре ученые создавали оружие тоже во имя спасения людей, ибо «предотвратить кошмарную гибель миллионов и масштабную катастрофу можно лишь вооруженными» [11, 14]. Таким образом, Арзамас продолжает подвиг Сарова, новое служение Отечеству. Именно благодаря подвигу ученых «мы запечатали врата ада» [11, 14].

Дихотомическое строение текста подтверждается и вербальными сигналами. В «саровской» части

текста Сергей Шаргунов широко использует высказывания на древнерусском языке: «Тебе ныне глаголю: изыди отсюда, иди в землю, которую покажу тебе» [11, 29]; «Радость моя! Стяжи себе мирный дух и тысячи вокруг тебя спасутся» [11, с. 37]; «место же сие весьма прекрасно, на горе стояще, и яко в вертограде некоем глубочайшими лесами ограждено» [11, 15]; сакральные имена: Серафим Саровский, Сергей Радонежский, Богородица, Исаакий, Антоний; названия ритуалов и фрагментов богослужения: молитва, всенощное бдение, отпеть; лексик, представляющую особенности монастырской жизни: пустынь, обитель, иеросхимонах, келия, братия, трапезная и другие.

«Сигналами» Арзамаса-16, конечно, являются термины: ядерная физика, обогащенный уран, уранилсульфат калия, полоний, циклотрон, цепная реакция, термоядерный распад и т.д. Таким образом, древняя лексика и терминология фиксируют разные временные планы существования Сарова и его разные функции, но во времени их объединяет святой Серафим.

Об общей судьбе обители и ядерного центра сказал еще в 2009 году Святейший патриарх Кирилл: «не случайно, что под покровом Серафима Саровского и его обители страна получила возможность быть защищенной и избежать третьей мировой войны» [11, 267].

Русская культура принадлежит к сотериологическому типу культуры, задача которой — духовно-нравственное просвещение, окормление человека, призванное способствовать его спасению. Такую сотериологическую идею заявляет С. Шаргунов в книге «Саров. Два подвига» (2021), где показаны русский святой и русские ученые-ядерщики, спасающие мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Чалмаев В. А. Новейшая русская проза: 1980–1990-е годы / В. А. Чалмаев // Литература: Методические советы. — М., 2001; Лейдерман Н. Современная русская литература. — В 3 кн. / Н. Лейдерман, М. Липовецкий. — М., 2001. — Кн. 3: В конце века (1986–1990). — 159 с.; Минералов Ю. История русской литературы: 90-е годы XX века: учеб. пособие / Ю. Минералов. — М., 2002. — 221 с.; Нефагина Г. Русская литература конца XX века: учеб. пособие / Г. Нефагина. — М., 2003. — 320 с.; Черняк М. А. Современная русская литература / М. А. Черняк. Изд. 2-е. — М.: Форум: САГА, 2010. — 351 с.; Рудалев А. Катехизис «нового реализма». Вторая волна / А. Рудалев // XXI ВЕК. Итоги литературного десятилетия: язык — культура — общество. — Самара: УлГТУ, 2011; Сушилина И. К. Современный литературный процесс в России / И. К. Сушилина // Вопросы литературы. — 2011. — № 1.
2. Немзер А. Замечательное десятилетие: о русской прозе 1990-х годов / А. Немзер // Новый мир. — 2000. — № 1. — С. 199–210.
3. Ерофеев Вик. Русские цветы зла / Вик. Ерофеев // Русские цветы зла: Антология. Родная проза конца XX века.

Лучшие писатели. — М., 1998.

4. Басинский П. Возвращение (реализм и модернизм в конце XX века) / П. Басинский // Подъем. — 2000. — № 1. — С. 59–74.

5. Шаргунов С. А. «Новые реалисты» поименно // Литературная газета. 2004. — Сентябрь. — С. 6.

6. Роднянская Ирина. Книги необщего пользования. Опыт диалога о «не такой» прозе / Ирина Роднянская, Владимир Губайловский // Зарубежные записки. — 2007. — № 12.

7. Бердникова О. А. «Новые реалисты» в современной русской литературе // О. А. Бердникова // Электронный сборник по материалам международной научной конференции «ФИЛКО: Филология. Культура. Образование». 18–20 марта 2016 года. Штип, Университет Гоце Делчева,

Македония. — Режим доступа: <http://js.ugd.edu.mk/index.php/fe/issue/view/87/>

8. Пращерук Н. В. Современная литературная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика: учебное пособие / Н. В. Пращерук, Н. А. Дьячкова. — Екатеринбург, 2024. — 172 с.

9. Бердникова О. А. «Место человека во вселенной»: об особенностях локативной сферы в произведениях современной русской литературы / О. А. Бердникова, Т. Н. Голицына // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». — 2022. — № 3. — С. 5–10.

10. Солганик Г. Я. Стилистика текста / Г. Я. Солганик. — М.: Флинта, 2001. — 253 с.

11. Шаргунов С. А. Саров: Два подвига / С. А. Шаргунов — М.: Молодая гвардия, 2021. — 295 с.

Воронежский государственный университет

Бердникова О. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

Voronezh State University

Berdnikova O. A., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the XX and XXI centuries, Theory of Literature and Humanities

Голицына Т. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

Golitsyna T. N., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department